

Лингвистика. Репрезентация гендера языковыми средствами

Е.Н. Храпцова

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ ДИМИНУТИВНЫХ ФОРМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ДОВЛАТОВА)

Категорию диминутивности традиционно определяют как сложную семантическую категорию, в основе которой лежит универсальный семантический признак – квантитативная характеристика предметов, свойств и явлений. Вместе с тем содержательные возможности диминутивных форм в разных языках выходят за пределы выражения размерных и количественных характеристик и «могут быть весьма нетривиальны и не всегда предсказуемы» [1].

Проблемы реализации диминутивной семантики изучались применительно к славянским и романским группам языков и, как правило, исследовались закономерности словообразования диминутивов. В семантическом плане диминутивность изучалась как средство выражения «малости» и на его основе анализировался субъективно-оценочный компонент коннотации диминутивов.

Современные тенденции в лингвистике акцентируют свое внимание на экспрессивной и эмотивной функции языка применительно к адресату и коммуникативным намерениям адресанта высказываний. Поэтому представляется актуальным изучить воздействие определенных языковых средств на коммуникативный процесс, их функционирование в различных коммуникативных ситуациях. В нашем исследовании такими языковыми средствами выступают диминутивные формы русского языка, образованные синтетически и лексически.

Целью нашего исследования является анализ и изучение семантических особенностей диминутивных форм и их коммуникативно-прагматического потенциала, т.е. изучение диминутивности также с позиции ее воздействия на коммуникативный процесс. Как указывает в своих работах М.Д. Путрова, коммуникативная значимость диминутивности до конца не определена [2], поэтому изучение различных способов и условий актуализации значений диминутивных форм в конкретных коммуникативных ситуациях является весьма актуальным. Семантический потенциал диминутивности нами изучается в рамках сопоставительного анализа русского, белорусского и английского языков. В данном случае изучение семантического и коммуникативно-прагматического потенциала диминутивов основывается на материале русскоязычных художественных произведений Сергея Довлатова: повести «Фиалиал» и сборника коротких рассказов под общим названием «Чемодан».

С. Довлатов – известный прозаик, журналист, яркий представитель третьей волны русской эмиграции, один из наиболее читаемых современных русских писателей во всем мире. В США проза Довлатова получила широкое признание, публиковалась в известнейших американских газетах и журналах. В основе всех произведений Довлатова – факты и события из биографии писателя. Литературные критики отмечают сдержанный стиль его произведений. «Довлатов – писатель-минималист, мастер сверхкороткой формы: рассказа, бытовой зарисовки, анекдота, афоризма. Стилю Довлатова присущ лаконизм, внимание к художественной детали, живая разговорная интонация. Характеры героев, как правило, раскрываются в виртуозно построенных диалогах, которые в прозе Довлатова преобладают над драматическими коллизиями. Довлатов любил повторять: «Сложное в литературе доступнее простого» [3]. Его произведение также отличает феерический юмор, где больше горечи, чем веселья. Скрупулезная работа автора над словом дает нам право предположить, что в языковом плане, единицы, осознанно отобранные для текста произведения, несут на себе важную смысловую и прагматическую нагрузку. И среди этих языковых единиц не последнюю роль играют и диминутивные единицы.

В нашем исследовании мы исходим из того, что диминутивным формам присуща полифункциональность и многозначность, поэтому их рассмотрение не ограничивается каким-то одним аспектом или значением. Следует также отметить характеристики письменной речи и ее отличие от устной речи, поскольку, как мы полагаем, в зависимости от типа речи функционирование диминутивности в каждом из них может иметь свои особенности. К тому же анализ использования данного языкового явления невозможен без учета авторской позиции, его коммуникативных интенций, так как описываемые им ситуации проходят сквозь призму собственных взглядов автора, его системы ценностей и жизненного опыта в целом.

Фактическим материалом исследования послужили диминутивные образования в вышеуказанных произведениях. Нами было выявлено и обозначено 160 диминутивных форм из текста названных художественных произведений, объем которого составил 48207 слов. В структурном плане выявленные диминутивные формы представляют собой самые разнообразные модели: суффиксальные – 40 (*стаканчик, сумочка, заводик, собачонка, новенький, маленький, рановато, маловато, недолюбливала, Мишелочка, Рувимчик, Ванька, Таська*), словосочетания – 50, с такими диминутивными компонентами как *слегка, немного, изредка, едва, мало, маленький, небольшой, минимальный, микроскопический, мелкий, короткий, крохи, кусочек, шепотка, проблески*. Преимущественный тип словосочетаний – прилагательное + суще-

Лингвистика. Репрезентация гендера языковыми средствами

ствительное (*маленький приемник*), реже наречие + глагол (*слегка травмирует*). Преобладающим морфологическим типом явились диминутивы-существительные, среди которых имена нарицательные превосходят в количественном плане имена собственные – 44 и 16 соответственно. Также отмечаются диминутивные дериваты, образованные от одной и той же основы: *Рувимчик, Руня, собачка, собачонка*.

Пытаясь наиболее полно описать семантические возможности выявленных диминутивных форм, их анализ был начат с определения количественного значения, традиционно рассматриваемого при изучении данной категории. В нашем исследовании это значение представлено следующими его вариантами: малый размер – 36, малое количество – 11, малая длительность – 3, малая частота – 2, малая степень проявления признака – 10, малая интенсивность действия – 4. Связанным с физическим значением является также и значение малого или недостаточного возраста (незрелости), которые также реализовываются в данных произведениях и составляют четыре диминутивных наименований.

Однако, как мы полагаем, функционирование диминутивных форм обусловлено не столько необходимостью описания объективной реальности (описания физических параметров), сколько необходимостью выразить субъективное мнение и таким образом вызвать определенную реакцию у собеседника. В семантике диминутивных форм наблюдается следующая закономерность: в тех случаях, когда изменение размера обозначаемого предмета или явления невозможно, то диминутив выражает эмоцию говорящего и передает его отношение к предмету беседы или собеседнику. В нашем исследовании случаи, когда изменение размеров объективно выражалось в речи, немногочисленны и ограничиваются представленными выше вариантами количественного значения. В подавляющем же большинстве случаев в семантике выявленных диминутивных форм объективно возможное изменение размера или количества переплетается с передачей определенной эмоции, а в сочетании с другими языковыми средствами в тексте произведений исследуемые диминутивные формы передают еще и целый спектр модальных значений. Среди вариантов эмоционального значения были выявлены следующие:

1) ласкательность (с сопутствующими семами сердечности, теплоты и нежности)

Таксист, как выяснилось, отбыл срок за развращение несовершеннолетней. Потом женился на еврейке, эмигрировал. Купил медальон на такси.

– Жизнью своей, – говорит, – я в общем-то доволен. Работаю, женат, имею дочь.

Я зачем-то спросил:

– Несовершеннолетнюю?

– *Мишелочка* в четвертом классе... У меня такси, жена – бухгалтер. Зарабатываем больше тысячи в неделю. Через день по ресторанам ходим. («Филиал»)

2) дружба, симпатия и любовь

На пороге стояла моя жена. Вернее, бывшая жена. И даже не жена, а – как бы лучше выразиться – первая любовь.

Короче, я увидел *Таську* в невообразимом желтом одеянии.

Но это – длинная история... («Филиал»)

3) уничижительность (с сопутствующими семами осуждения и критики, умаления достоинства)

Я не обиделся. Было ясно – девушке импонирует нечто грубое во мне. *Проблески интеллекта* вызывают ее раздражение. («Филиал»)

Зачем эти жалкие *крохи доброты* – тебе, которому она целиком принадлежала?... («Филиал»)

– Куда важнее то, что этот *маменькин сынок* был дико педантичен... («Филиал»)

При этом указанные диминутивные словосочетания являются устойчивыми словосочетаниями с явно выраженной отрицательной оценочной коннотацией.

4) фамильярность (с сопутствующими значениями грубости, покровительства)

Неожиданно из зала раздался отчетливый и громкий выкрик:

– *Аркаша*, хрен моржовый, узнаешь?

При этом из задних рядов направился к трибуне худой огромный человек с безумным взглядом. («Филиал»)

4) злоба и раздражение

Через минуту из уборной доносилось:

– Я приехала к *Ваньке* Самсонову. Но *Ванька*, понимаешь ли, женился. На этой... как ее?... («Филиал»)

Преобладающим вариантом эмоционального значения является ласкательность с сопутствующими семами сердечности, теплоты и нежности и составляет 36% от всех диминутивных форм, обладающих эмоциональным значением.

Как уже упоминалось выше, художественный текст представляет собой сложное языковое явление. Сочетаясь друг с другом, разнообразные языковые средства не только делают текст выразительным,

Лингвистика. Репрезентация гендера языковыми средствами

но и передают целый спектр скрытых значений. Диминутивные формы в сочетании с другими языковыми единицами также обладают способностью имплицитно передавать разнообразные смыслы, а в отдельных случаях становятся средством характеристики героев, создающими определенный художественный образ, и таким образом совпадают по своей функции с выразительным средством. Примером для иллюстрации сказанного может служить рассказ «Куртка Фернана Леже» из сборника рассказов «Чемодан», в котором в одном из эпизодов автор рассказывает о своем друге детства, Андрее Черкасове, с которым они впоследствии разошлись во взрослой жизни. Используя диминутивные и полные формы имени – *Андрюша, Андрей, Андрей Николаевич* – автор выражает не только свое отношение, которое временем бывает дружеским, а в большинстве случаев фамильярно-снисходительным, иногда доходящим до издевательства, но и создает узнаваемый всеми образ этого второстепенного героя. Для автора рассказа, который является во многом автобиографическим, Андрей Черкасов остался человеком, которого всегда правильно воспитывали, опекали, холили и лелеяли. Он был обречен на удачу, и его счастливой жизни и карьере ничего не угрожало. В то же время самому автору приходилось воспитываться и постигать все превратности судьбы самому. Таким образом, используя преимущественно диминутивную форму *Андрюша*, автор даже не столько создает соответствующий образ этого героя, сколько рисует тип людей определенного сословия в советское время, представителем которого Андрей Черкасов являлся. Например:

1) Сами Черкасовы относились ко мне хорошо. А вот домработницы – хуже. Ведь я был дополнительной нагрузкой. Причем без дополнительной оплаты.

Поэтому *Андрюше* разрешалось шалить, а мне – нет. Вернее, *Андрюшины* шалости казались естественными, а мои – не совсем. Мне говорили: «Ты умнее. Ты должен быть примером для *Андрюши*...» Таким образом, я превращался на лето в маленького гувернера....

2) Я ощущал неравенство. Хотя на *Андрюшу* чаще повышали голос. Его более сурово наказывали. А меня неизменно ставили ему в пример....

3) И все-таки я чувствовал обиду. *Андрюша* был главнее. Челядь побаивалась его как хозяина. А я был, что называется, из простых. И хотя домработница была еще проще, она меня явно недолюбливала...

В вышеприведенных примерах диминутивная форма имени скорее усиливает инфантильность героя, хотя в то же время показывает несерьезное, ироничное отношение автора и других героев рассказа к нему. По мере взросления сына Черкасовых, он превращается в Андрея, и таким образом автор подчеркивает его положение, но опять же, не скрывает присущую ему слабость и инфантильность, и в таком случае называет его снова *Андрюшей*.

1) Оба мы женились сравнительно рано. Я, естественно, на бедной девушке. *Андрей* – на Даше, внучке химика Ипатьева, приумножившей семейное благосостояние....

2) Как-то *Андрюша* и Дарья позвали нас в гости. Приезжаем на Кронверкскую. В подъезде сидит милиционер. Снимает телефонную трубку:

– *Андрей Николаевич*, к вам!

Еще одним именем собственным, которое автор умело использует для характеристики и создания типажа, является имя *Таська* в повести «Фиалил», хотя официальным полным именем согласно повести является имя *Анастасия*. Оно, в отличие от предыдущего имени *Андрюша*, чаще всего употребляется в неизменной форме, но сочетаясь с другими языковыми единицами, передает разнообразные смыслы, которые, дополняя друг друга, создают узнаваемый образ взбалмошной, переменчивой и патологически неверной женщины. Ироничность всей ситуации заключается в том, что главный герой влюблен в нее.

1) Короче, я увидел *Таську* в невообразимом желтом одеянии.

2) – *Таська*, – говорю, – опомнись. Мы тридцать лет знакомы. Двадцать лет назад расстались. Около пятнадцати лет не виделись. Ты обожаешь Ваню. Беременна от какого-то Левы.

3) В результате *Таську* избрали подавляющим большинством голосов.

Следует отметить виртуозное использование автором диминутивных форм имен собственных в своих произведениях. *Мишелочка, Беллочка, Рувимчик, Юрка, Артурка, Ванька, Ленька, Любаша, Зинуля* и другие диминутивные формы не только передают разные варианты эмоционального значения и отношение говорящих друг к другу, но и являются своеобразным средством выразительности, что требует более детального изучения. Таким образом, диминутивы в произведениях представляют собой особый прагматический тип единиц. В них в произведении немного ослабевает оценочность и тем более исчезает квантитативное значение. Диминутивность по-иному характеризует адресат и создает особый психо-эмоциональный тип личности.

Анализируя конкретные случаи именования реалий действительности в актах общения рассматриваемых произведений, мы пришли к выводу, что, как и указывает М.Д. Пустрова в своих работах по диминутивности, диминутивные единицы могут «подсказывать сферу употребления... и соотноситься с определенной дистанцией, на которой называемый объект видится выбравшему конкретный вариант именования коммуниканту. То есть значимым оказывается фактор дистанции или так называемый про-

Лингвистика. Репрезентация гендера языковыми средствами

ксемический параметр» [2]. Последний оказывает непосредственное влияние на коммуникативный процесс, но происходит незаметно для самих участников коммуникации и находит отражение в языке и особенностях именования реалий действительности в определенном акте общения. Так, единицы и структуры языка могут быть «интерпретированы с точки зрения отношения дистанции». По мнению ученого, здесь можно четко разграничить две категории расстояния или сферы – интимной (или частной сферы, сферы заботы), социальной (публичной (общественной сфере)).

Проверяя высказанное предположение на отобранном материале, мы получили результаты, которые показывают, что диминутивные формы действительно способны указывать на сферу общения. Чаще всего они употребляются в ситуациях частной сферы. Так, в повести «Филиал» уменьшительное имя героини *Таська* помещает ее в близкий круг отношений главного героя, указывает на интимные и доверительные отношения между ними. – *Таська*, – говорю, – опомнись. Мы тридцать лет знакомы. В вышеприведенном примере из того же произведения с использованием диминутивной формы *Аркаша* подчеркивает фамильярно-шутливое отношение говорящего, а стилистически сниженная фраза (*хрен моржовый*), следующая за диминутивом, усиливает его значение и выражает грубоватое, но дружеское отношение говорящих друг к другу.

Еще примеры, в которых диминутивная форма в речи говорящего демонстрирует его желание установить контакт и вовлечь собеседника в сферу своих отношений и таким образом сократить дистанцию: – Не переживай, – сказал мне Буткис, – врачи *частенько* ошибаются. Все будет хорошо, – Алё... Срочно нужен узбек. Причем любого качества, хоть тунядец... Постарайся, *голубчик*, век не забуду..., – Это не мне. Это тебе. Подарок в честь Дня независимости. Ты же всегда хотел иметь *собачку*.

Однако выявленные диминутивные формы реализуют дистантные отношения не в чистом виде. В них практически всегда присутствует оценочность. Наиболее четко указание на разные сферы общения демонстрируется параллельным использованием диминутивной и его исходной формы в одной и той же ситуации общения, например:

1) Что-то щелкнуло, и в маленькой нише утвердился бумажный *стаканчик*.

– Дарья! – закричал Беляков. – *Стаканчик!*

И бросил в щель еще одну монету. Из неведомого отверстия высыпалась горсть сахара.

– Дарья! – воскликнул Беляков. – Сахар!

И опустил третью монету. *Стакан* наполнился горячим кофе.

2) К телефону подошел мой *сын*. Он поднял трубку и сосредоточенно, упорно замолчал. Потом, уподобляясь моей знакомой официантке из ресторана «Днепр», сказал без любопытства:

– Ну, чего?

Говорю ему:

– Здравствуй, это папа.

– Я знаю, – ответил мой *сын*ок.

В обоих примерах в оппозициях *стаканчик-стакан* и *сын-сын*ок диминутивные формы сигнализируют о частной сфере и сфере заботы. Аналогично употреблением данных оппозиций параллельное использование уже ранее упомянутых имен *Андрюша*, *Андрей* и *Андрей Николаевич*, где посредством диминутивных форм происходит интимизация и вовлеченность объектов в сферу близких отношений и происходит сокращение дистанции между говорящими, а употребление полных имен отстраняет и дистанцирует объекты, показывая сферу социальных или публичных отношений.

Подытоживая все выше сказанное, следует отметить широту содержательных, функциональных и коммуникативных возможностей выявленных диминутивных форм в художественном произведении. Помимо выражения объективно возможного значения «малости» и субъективно-оценочного значения, диминутивы способны обозначать сферу общения и быть эффективным средством выразительности.

С точки зрения гендерных особенностей следует также подчеркнуть, что автором произведений является мужчина. Подтверждается положение Е.А. Земской о том, что имеют место быть различия в функциях диминутивов в вербальном поведении представителей разных гендеров. В речи мужчин диминутивные формы чаще используются в целях иронии и высмеивания [4]. Именно поэтому, как мы полагаем, диминутивы явились действенным средством, позволившим автору критично подойти к собственной жизни и жизни своего поколения, высмеять ее нелепость и абсурдность и, по мнению критиков, изобразить «человека своего поколения, социального статуса и гендера».

ЛИТЕРАТУРА

1. Звонарева, Ю.Н. Коммуникативно-прагматический аспект диминутивности в английском языке: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Воронеж. гос. ун-т. – Тула, 2013. – 151 с.
2. Путрова, М.Д. гендерный аспект диминутивных средств номинации //Гендер и проблемы коммуникативного поведения: Сборник материалов Третьей международной научной конференции. – Полоцк, ПГУ, 2007. – С. 51-56.

Лингвистика. Репрезентация гендера языковыми средствами

3. Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2005-01-27/5_dovlatov.html (дата обращения: 10.10.2016).
4. Земская, Е.Ф. Язык как деятельность. – М.Ж. Языки славянской культуры, 2004. – 686 с.

И.В. Чеботарская

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА ЗАРУБЕЖНОГО ГОСУДАРСТВА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА 'SPIEGEL')

В современной медиалингвистике подчеркивается влияние средств массовой информации на процесс моделирования отношения реципиента к фактам и событиям политического мира. Журналисты ведущих СМИ являются в большей степени творцами политического языка, чем сами политики [1, с.10]. Они документируют события и факты, выступая при этом носителями своего, родного языка и культуры. Следовательно, за объективными лингвистическими феноменами скрыты концепты, фреймы и фоновые знания, стереотипы, присущие конкретной лингвокультуре [1].

Имидж субъекта общественно-политической жизни может оказывать большое влияние на политические процессы внутри и за пределами своей страны. Средства массовой информации являются посредниками между властью и народом и освещают события под определенным углом зрения (часто плод коллективной работы целой редакции). В российской лингвистике есть опыты по исследованию дискурсивных портретов политических лидеров (М.А. Кормилицына, О.П. Паршина, Е.И. Шейгал). Наиболее изученным на данный момент является коммуникативный образ главы российского государства В.В. Путина на материале российского политического дискурса. В нашем исследовании рассматривается дискурсивный портрет образа В.В. Путина на страницах онлайн-версии журнала 'Spiegel' (2007-2016 гг.). Отметим, что журналисты в данных обстоятельствах информируют читателя об инокультурной для них реальности, поэтому анализ может выявить особенности создания образа лидера другого государства средствами немецкого языка (влияние оппозиций «свой-чужой», «свой-другой»).

М.А. Бойко определяет политический имидж как «легкоузнаваемый образ какого-либо конкретного субъекта или явления политической жизни, спроецированный на массовое сознание так, что... восприятие намеренно акцентируется лишь на его отдельных чертах» [2, с. 194]. Образ политического деятеля отражает субъективное представление о политическом лидере, сформировавшееся в сознании адресата в результате восприятия всей имеющейся актуальной информации об этом человеке [3, с. 330]. Понятие «имидж» не получает однозначной трактовки, несмотря на многочисленные исследования различных типов имиджа. Имидж создается в результате переработки больших массивов информации и позволяет не тратить время и усилия каждый раз заново на создание определенной картины мира в сознании отдельного индивида в процессе восприятия и интерпретации окружающей действительности [2, с. 194]. 'Имидж' и 'образ' являются в некотором отношении взаимозаменяемыми, но между ними существует небольшое отличие: большинство специалистов уверено, что имидж направлен только на создание положительного образа, в то время как образ может быть как позитивным, так и негативным [4].

В состав образа входят реальные и вымышленные элементы, синтез которых должен вызывать сильный эмоциональный отклик у реципиента, – одна из основных целей создания образа. Необходимо также опираться на действующую идеологию как на систему значимых идей и ценностей и на существующие стереотипные представления о другой (чужой) стране. По мнению В.Н. Суздальцевой, для создания яркого, запоминающегося образа необходимо учесть следующие экстралингвистические факторы:

1. место, занимаемое объектом в категории 'свой-чужой';
2. соответствие психологическим потребностям общества в настоящий момент [5, с. 288-289].

Отношения В.В. Путина и Запада в последнее время, начиная с аннексии Крыма и событий в Донбассе, резко ухудшились. Но уже в 2007 году выступление Путина на Мюнхенской конференции по безопасности расценили как «шокирующее» и «пугающее» (*Putin schockt die Europäer* 'Путин шокирует европейцев', *mit seiner aggressiven Rhetorik erschreckte Putin seine Zuhörer* 'своей агрессивной риторикой Путин напугал слушателей'). Обратим внимание, что глаголы *erschrecken* 'пугать', *schocken* 'шокировать' описывают ситуацию «приведение человека в состояние страха», т.е. вызывают у него отрицательную эмоцию и, соответственно, в случае неоднократного употребления синонимичных глаголов, описывающих действия, отложится в сознании и эмоциональная составляющая описания будет сильнее аналитической.

«Вербальные имиджевые конструкты» (термин В.Н. Суздальцевой) образа политического лидера характеризуются в содержательном и языковом плане. В содержательном плане описываются характеристики стиля поведения политика, на которые обращается внимание читателя, а именно: его привычки,